

ПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЯ

Беседа Станислава КУНЯЕВА и Альберта ЛИХАНОВА

14 октября Российскому детскому фонду исполнилось 25 лет. За четверть века Фонд помог выжить, выстоять, получить образование тысячам детей, нуждавшихся в защите и поддержке. Все 25 лет его возглавляет известный писатель, общественный деятель, лауреат Государственной премии России и многих международных премий, академик РАО Альберт Анатольевич Лиханов – человек, который считается самым авторитетным экспертом во всем, что касается мира детства. Альберт Анатольевич Лиханов также многолетний автор “Нашего современника”. Он поделился с нашими читателями отнюдь не юбилейными размышлениями.

– Недавно на одном представительном собрании вы огласили сокрушительные цифры: в России число насилий взрослых над детьми достигает 100–130 тысяч. За последние пять лет в России покончили с собой 14 с лишним тысяч детей... Похоже, сколько ни совершай дел на ниве спасения, защиты детства, бездонная яма детских бед в нашем отечестве меньше не становится. Что дает вам силы бороться со злом?

– Один из моих любимых героев – Дон Кихот Ламанчский. Чем велик этот роман Сервантеса? Тем, что он создал идеал веры, наивности. Наивность не может быть грязной, она всегда чиста. Наверное, я один из солдат этого донкихотского воинства. Мне кажется, без наивности, без бесконечной веры в то, что ты сражаешься и побеждаешь, жить не имеет смысла. Главная и спасительная идея – это работа. Надо искать свое дело и делать его. Если этому веришь и служишь – не сомневайся и не оглядывайся.

Жизнь одарила меня такими установками, наверное, еще и потому, что я дитя войны. В детстве у человека – широко открытые глаза. Они все видят, все впитывают, хорошее и плохое. Тогда было очень тяжело. И все же война часть нашего поколения одарила верностью идее, неугасаемой любовью к от-

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич (р. 13 сентября 1935 г.) — основатель и бессменный лидер Российского детского фонда, известный писатель и общественный деятель. В 1987 году по его инициативе создан Советский детский фонд имени В. И. Ленина, который в 1992 году преобразован в Международную ассоциацию детских фондов, а в 1991 году учреждён Российский детский фонд.

Книги Альберта Лиханова изданы тиражом более 30 миллионов экземпляров. Только на иностранных языках вышло более 100 его книг. В 2005-м, 2007-м и 2010 годах Альберт Лиханов признан Человеком года в России, в 2005-м — в США, в 2006-м удостоен международной медали “Freedom” — “за ежечасный и ежедневный вклад в мировую копилку добра”. Кембриджский университет включил его в список 1000 выдающихся европейцев XXI века. Альберт Лиханов награжден премией Президента РФ в области образования и премией Правительства РФ в области культуры.

цам, находившимся на фронте. Она нас обучала. В первую очередь, способности переносить лишения. Когда человеку ни в чем не отказывают, когда у него все есть, это плохо на него действует, он становится слабым, не способным к преодолению. Всю войну я мечтал о победе, жил только этим. Мне повезло — я рос в тыловом городе Кирове, но хорошо знаю, что такое голод, лишения и страдания. И главное, меня Господь одарил тем, что мой отец, старший сержант, прошел всю войну, его дважды ранило, но он остался жив. За это я благодарен судьбе. Став взрослым, я должен был чем-то ответить... Всегда ловил себя на мысли, что детский мир очень неустойчив, ему нужен проводник, путеводитель. И важно, чтобы наставничество было добрым. Мне на наставников повезло — это и замечательная учительница Аполлинария Николаевна Тепляшина, и моя бабушка Мария Васильевна, и моя мама — я их очень любил, и они меня любили...

— **Отвечая на эту доброту, вы и стали защитником детства?**

— Вышло так, что еще школьником я писал заметки и публиковался в газетах. После окончания отделения журналистики филфака Уральского университета с удовольствием кинулся в журналистику. Мне было страшно интересно жить, я хотел везде побывать, все узнать. Однажды судьба подарила мне историю с детдомовскими ребятами. В редакцию газеты, где я работал, пришла женщина — воспитатель в школе-интернате. Тогда руководитель нашей страны Никита Сергеевич Хрущев решил всех детей воспитывать в интернатах, чтобы они жили там всю неделю, в субботу после обеда посещали свою семью, а потом — возвращались в интернат. Это была чудовищная идея из области социальных утопий. И вот в интернате, в числе прочих детей, оказалось 50 первоклашек из детского дома. В субботу всех детей забирали, а детдомовцев — нет. Эти печальные малыши стояли на лестнице, и им тоже хотелось, чтобы их забрали... Мы напечатали в газете письмо этой женщины, чтобы добрые люди детей взяли. Я был автором репортажа о том, как всех детдомовцев разобрали по семьям. Но к концу учебного года лишь двоих ребят усыновили, остальных вернули в интернат! Это меня поразило, и с этой занозой я стал жить дальше.

Сейчас я вижу, что наши чиновники Министерства образования учредили патронат выходного дня, как форму благодетения для детей-сирот. Это преступление! Нужно понять, что одинокий ребенок ждет не какого-то гостевания, с подарками и даже со сладостями на десерт. Он ждет любви всерьез и навсегда. Он ждет человеческой опоры. Этого в упомянутой системе нет. И такой порядок вещей разрывает нынешняя педагогика! Это, по моему мнению, не педагогика, а наивное недомыслие, давным-давно оцененное хотя бы в моей повести “Благие намерения”, на которой выросли многие поколения разумных педагогов.

... Но возвращусь к случаю, о котором я рассказал. За 27 последовавших за ним лет я объехал и обошел множество сиротских заведений. Когда приезжал куда-то в командировку, шел в эти заведения — изучил их “от” и “до” и увидел, что они в жутком состоянии: нищета материальная, неважнецкое питание, дефицит книг, белья, автомобилей.

— Как же вам удалось убедить руководство страны создать Детский фонд?

— Став писателем, редактором журнала “Смена”, я тыркался в Министерство образования, ходил к секретарям ЦК комсомола, пытаюсь убедить в том, что государство должно серьезно заняться этой проблемой. Все со мной соглашались, но делу это не помогало. Один из моих приятелей — Виктор Прибытков был помощником тогдашнего секретаря ЦК Черненко. Я убеждал его: надо что-то менять, в стране миллион неблагополучных детей! Он, вздыхая, отвечал: у нас каждый работает в своем коридоре, а мой шеф к детским проблемам непричастен. Но однажды Черненко стал генсексом, и Виктор Прибытков позвонил мне и сказал: быстрее неси свою записку со всеми проблемами. И я через сутки принес записку из 48 пунктов. Еще через день узнал, что Гейдару Алиеву (который был тогда первым зампредом Совмина СССР) поручено готовить постановление ЦК и Совета министров. И в 1985 году появилось это постановление, в работе над которым я был главным соавтором. Через два года, когда власть сменилась, тогдашний председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков пригласил меня к себе и попросил рассказать о положении детей в стране. Встреча началась в 5, а закончилась около 9 часов. Рыжков внимательно меня слушал и, как я понял, вечером того же

дня разговаривал об этом с Горбачевым. Моя идея воссоздания Детского фонда была услышана. Рыжков через сутки предложил мне возглавить работу над новым постановлением ЦК и Совмина. Потом я выступал с докладами на президиуме Совмина СССР и заседании Политбюро. Говорил то, что считал нужным: о больных детях, о разных типах уродств, против которых у нас нет медицинской помощи, про детский дом для слепоглухонемых, прозябавший в Загорске в ужасном помещении. Я говорил, что надо в это вкладывать средства и этим заниматься. Ведь что такое детство? Это отнюдь не наше будущее, как часто говорят. Детство – наше настоящее. Это наша ответственность и наша забота. Фраза “Дети – наше будущее” – не что иное, как перенос ответственности за них на дальнюю перспективу. Для меня это неприемлемая формула. Наш фонд исповедует идею “Дети – наше настоящее”, причем печальное настоящее в массе своей. После обсуждения Горбачев предложил мне возглавить организационный комитет по созданию Фонда. А 14 октября 1987 года в Колонном зале мы провели конференцию и учредили Детский фонд. Меня избрали председателем. И с тех пор 25 лет я это тяну.

– **Что из того, о чем мечталось 25 лет назад, удалось сделать?**

– Это довольно тяжелая тема, потому что мы никогда не получали денег из бюджета. В первые дни существования Фонда я сам открыл счет в Сбербанке, мы с женой положили туда первый взнос – тысячу рублей. И люди нам стали посылать деньги. Это была, сравнивая с дореволюционным прошлым, кружечная милостыня. В кружки когда-то бросали копейки, и на них храмы строили. Это русский синдром: всенародная помощь, строительство всем миром. Мы по утрам получали по 5–6 огромных мешков, в которых были тысячи корешков от почтовых переводов. От детей: на полтора рубля, на рубль – с трогательными записочками на обороте. От стариков... Помог нам и Фонд мира. На эти деньги мы купили полторы тысячи автобусов и грузовиков для всех детских домов Советского Союза, не говоря уже о массе других дел, среди которых разукрупнение групп в домах ребенка всей страны за счет Фонда, создание во всех сиротских заведениях попечительских советов, сотни тысяч книг, отправленных в детдомовские библиотеки.

Мы три года посылали десанты медиков в регионы Средней Азии и Казахстана, где была гигантская детская смертность. Благодаря этому удалось снизить показатели младенческой смертности на 22 процента, а смертности детей второго года жизни по Советскому Союзу – на 55 процентов...

Или наша программа “Дети Чернобыля”. Мы отправили в свое время десять тысяч детей в тридцать стран мира на лечение и реабилитацию. Только в 1990 году, и только на Кубу, по приглашению Фиделя Кастро, мы послали 1311 наших ребятишек из “чернобыльских зон” Белоруссии, Украины, России.

Получив письмо малолетних узников фашистских лагерей, решили провести их всесоюзный слет в Киеве. Там я впервые от имени общества извинился перед ними за то, что они забыты и заброшены. И постановлениями Правительства СССР Детский фонд сделали головной организацией, подтверждающей на основании документов или свидетельских показаний, что человек был в таком-то концлагере и, следовательно, имеет право на льготы – телефон вне очереди, санаторное лечение и т. д. Ведь в концлагерях справок не выдавали!

Мы создали при нашем Фонде Международный союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Эти люди до сих пор к нам приходят и благодарят.

Мы сами разрабатывали программы, сами собирали на них средства и сами их реализовали. Всегда, когда государству было плохо, мы оказывались рядом: армянское землетрясение, авария в Чернобыле, катастрофа на железной дороге Москва–Челябинск. Ну а потом – новые беды: Чечня, Беслан, Южная Осетия... Привозили детей в Москву, восстанавливали в собственном реабилитационном центре – естественно, всегда для детей бесплатно.

– **Какие из прошедших за эти 25 лет социальных перемен больше всего дают о себе знать в сегодняшней деятельности фонда?**

– Народ стал беден. К тому же ему внушена ложная идея – думай только о себе. Главная, на мой взгляд, беда – мы оказались в состоянии нарастающей человеческой разобщенности. Протянуть руку другому – всегда было в наших народных обычаях. Теперь все это если и не исчезло до конца, то идет к финалу уверенной походкой. Богатый – богат, бедный – пропадает.

Но другому бедному уже не поможет, и не только потому, что у самого ничего нет. А потому, что по несостоятельности своей никому не верит.

Изменилось и отношение власти к детству. Сегодня, увы, я не могу встретиться с лидерами страны и поговорить о положении детей в России. У меня такое впечатление, что всё, что было в истории и практике Детского фонда, тщательно стирается какой-то чудовищной резинкой беспамятства. Как будто этого не было. Как будто этого нет. Но дети – категория вневременная и вне-режимная. При любой власти они есть и будут, и понять надо простую истину: судьбы детей – сытых и голодных – решают их родители. А власть должна родителям помочь. А такие структуры, как Российский детский фонд, – мост между теми и другими.

Про детство сейчас много шума. Много слов. Выпускаются бумаги. Многовато, правда, бега на месте. Движение есть – продвижения мало. Благотворительное же движение – при вселенском суесловии о гражданском обществе – конструктивной поддержки не существует при аж миллиарде выделяемых из бюджета рублей. Но где они? На что истрачены?

Власть, и не произнося этих слов, как бы говорит: хотите работать – вяляйте, а мы будем выбирать, кому помочь, а кому – нет. По нашему вкусу. Но, как известно, между равенством прав и вкусом власти – “две большие разницы”.

Изменилось ли детство? Еще как! Оно лепится по образу и подобию взрослых. А получается еще хуже. Печально признавать, но в погоне за мамонной взрослые растеряли нравственность и культуру, а за ними следуют дети. Не все, конечно. И поэтому защита детства сегодня выдвигает на первый план тяжелейшее и мало видимое дело – защиту детской духовности, опирающейся на наши традиции, на русскую классику во всех областях.

От спасения жизни надо двигаться к спасению души...

– **С чем вы пришли к юбилею фонда?**

– Очень хотел бы радоваться, но не могу, поскольку это будет неправда. А правда состоит в том, что положение детей в нашей стране ухудшается. В России после войны было 678 тысяч детей-сирот. Сейчас 750 тысяч. Явственно заявляет о себе страшная беда – детский суицид. За последние пять лет покончили с собой 14 с лишним тысяч детей. По этому показателю мы на одном из первых мест в мире. Психологи и психиатры, к сожалению, как всегда, задним числом, разбираются: почему? Ссылаются на наследственность. На погоду. На возрастные проблемы. Я же на первый план поставлю трезвое понимание очень многими детьми недостижимости ими самых простых жизненных целей. Понимание, что они не призваны и даже просто не званы на праздник жизни. Да ещё когда всё вокруг так постыло: родители пьют, близкие ругают без конца и унижают, знаний не хватает, значит, что-то высокое не для тебя, и бедность твоего окружения не одарит тебя богатством, и влачить жизнь, какую влачат твои близкие – зачем? Так что бежать им некуда. И они бегут на небеса.

Каждый день по телевидению, радио, в газетах бесконечные сообщения про убийства. Почему-то утром вся страна должна узнать: пьяная или безумная мать выкинула из окна своего ребенка. Или педофилы надругались над детьми и убили их. Или вот недавняя история, когда пятерых ребят из московского интерната № 7 для детей с задержкой психического развития, их воспитательницу и мужа воспитательницы сбил пьяный шофер – всех насмерть. Я был на могиле ребятишек. Горько там! И меня не покидает чувство тотальной несправедливости. Эти дети и так были обделены. От них отказались родители, отдав их в это заведение. Их предали взрослые, которые родили их такими – не думали об их будущем, когда зачинали этих детей, чаще всего это пьянствующие или больные люди. Наш фонд каждый год фиксирует, сколько детей отнято, сколько их сдали в государственные и в негосударственные места. За двадцатипятилетие нашего мониторинга это число приблизилось к двум миллионам. И во взрослой жизни это граждане – сироты, которые не знали детства, не знали любви.

Думаю, получается так еще и потому, что у нас вопросы совести сегодня в забыты. Бессовестность вышла на первый план, она – победительница. Совестливые люди незаметны. Они делают свое доброе дело, и мало кто это видит и по достоинству оценивает. Часто над ними просто смеются.

– **Вспоминаются слова из песни Высоцкого: “Чему нас учат семья**

и школа?”... Что, на ваш взгляд, в этих основополагающих сферах необходимо срочно менять?

— Мне кажется, происходящее сегодня со школой ведет к самоуничтожению. 20 тысяч малых сельских поселений у нас согласно статистике в последние десятилетия исчезли с карты, а вместе с ними исчезают малокомплектные школы. Кто бы всерьез задумался, что маленькая сельская школа породила процентов 70 всей русской классики! Великое множество мастеров литературы и искусства выросло именно в деревне, в маленькой школе, где ребенку с любовью преподносили первые знания о жизни и обучали его чувству красоты, гармонии и справедливости. Ликвидируя эти школы, мы уничтожаем будущее нашей культуры. Цивилизация будет иметь другой вид, может быть, она будет более технологизирована, более совершенна в техническом отношении, но она, безусловно, будет менее душевной, человеческой. Думаю, что бездушевное, бездуховное общество, не сомневающееся ни в чем, это угроза развитию. И если мы хотим привести наше общество к такому равенству, это будет печальное равенство, когда все равны и все друг на друга автоматически похожи.

Очень серьезная проблема — падение авторитета школы. Моя первая учительница, Аполлинурия Николаевна Тепляшина, не ставила двоек нам, малышам, а оставляла после уроков. И каждого из 40 детей в классе обходила по утрам, перед началом уроков и ложечкой давала витамин С, чтобы мы не заболели цингой. Это было во время войны. Она спасла нас от цинги. То есть учитель — прежде всего человек, который заботится о детях. Сейчас авторитет школы снижен: в основном школа разными путями стремится заработать на детях. И подталкивает её на это государство. Теперь школа — не любимый дом, куда бежишь с радостью, а магазин, где продается странный товар — “образовательные услуги”.

Что же касается семьи, то разве не очевидно: если человек не видел тепла, любви, заботы в детстве, он будет плодить эту ущербность в собственных отношениях во взрослой жизни! Семья сегодня нуждается в защите. Количество разводов у нас почти равно количеству браков. В результате дети становятся жертвами семейного неустройства. Они теряют веру, надежду, их лишают любви.

Сейчас стал модным гражданский брак, а это, на мой взгляд, облегченный вариант ответственности перед детьми. Бессемейность, равнодушие, бесстыжесть, безверие породили очень тяжёлое явление в нашей жизни: женщина отказывается от ребёнка в роддоме. И, как следствие, ребёнок гуляет по “казёнкам”. Ежегодно в стране делается около 2,5 миллиона аборт. То есть дети перестали быть ценностью, напротив, становятся обузой. Стыдно признавать, но то, что было раньше нашим национальным достоянием, сейчас переключалось на Запад: ребёнок там чаще всего радость и удовольствие, а в некоторых государствах — серьёзная прибавка к бюджету семьи.

Поэтому я всячески одобряю любые усилия власти в этом направлении, и особенно документы, которые наконец-то поддерживают “вымирающие” регионы при рождении там детей. На детях нельзя экономить. Напротив, инвестиции в детство — самые выгодные инвестиции. И здесь власти есть что делать.

Вот и в кредитной политике очень важно давать детородной семье такие кредиты на землю и дом, чтобы рождение третьего, четвёртого и пятого ребёнка аннулировалось по 30% займа, и при пяти детях семья обретала бы солидную собственность фактически бесплатно. Это же надо бы дать семейному детскому дому, приёмной семье, да и просто семье смешанной, где доброта была бы поддержана экономически. Такая практика рождена в Белгородской области. И как было бы важно морально и экономически встать на такой “русифицированный” путь, где не доброта служит деньгам и склоняется перед ними, а деньги служат доброте, нравственности, морали.

И здесь есть что сделать власти, есть что делать каждому из нас. Вот почему наш Фонд стремится поддерживать добрые поступки защитников детства и обращать общественное внимание на человеческую доброту как реальную экономическую и социальную силу. Это, кстати, мы ставили во главу угла, когда созвали Международный съезд волонтеров детства в день рождения Фонда, 14 октября.

— Что, с вашей точки зрения, было на нем главным?

— Главным было чествование людей, что-то сделавших на благо детства.

На съезд приехали истинные герои, многих из которых мы наградили. Лучшие родители-воспитатели семейных детских домов стали лауреатами новой премии “Благородному родительству – благодарное детство”, были вручены Международные золотые медали Льва Толстого за выдающийся вклад в защиту детства, оглашены имена новых носителей титула “Рыцарь детства”.

В числе награжденных, например, врач-гинеколог Надежда Константиновна Захарова из Саратова, мать четверых детей, которая по роду своей профессии ходила по роддомам, видела оставленных там матерями-“кукушками” младенцев. Так вот, эта женщина взяла семерых младенцев и всех их, как и четверых собственных, подняла на ноги. Они получили или получают высшее образование, находятся под ее защитой и опекой. К тому же она на собственные средства, взяв кредиты, построила огромный дом, в котором все дети имеют по комнате. Эта женщина столь удивительным образом себя реализовала и тем самым помогла государству.

Или семья Сорокиных из Ростовской области – он бывший детдомовец, а она простая селянка. За 24 года через их семью прошло 48 ребят, и они всех устроили, всех женили, замуж выдавали, построили жилье. И дети их совершенно счастливы, потому что у них всё есть – у них есть родители. Они получили самое главное – семью и семейную защиту. Это истории всего лишь двух из 368 семейных детских домов России, из 578 семейных детских домов в СССР.

А в Белоруссии детский фонд с помощью спонсоров постепенно купил 42 коттеджа. Эти коттеджи освобождены от всех налогов. В каждом живут муж, жена и не меньше десяти приемных детей. Они имеют государственную поддержку на каждого ребенка, и родители считаются воспитателями, государственными служащими. Это мы придумали, первыми заговорив в конце 80-х о семейной защите сиротства и создав альтернативу государственным детдомам. Так было и в России до 1996 года, пока семейные детские дома у нас не были переведены в статус приемных семей.

Родители в приемной семье получают не заработную плату, а вознаграждение. И у них нет социального пакета, как хотя бы у дворника – стажа, отпускных, больничный лист не оплачивается. Это экономично для региональных бюджетов, и вот беда: одновременно закрываются государственные детские дома. В то время как приемная семья еще не доказала, что может провести маленького человечка через всю его собственную жизнь. Наши семейные детские дома должны были доводить детей до совершеннолетия и устроить их в жизни. У приёмной семьи нет такого обязательства. И вообще, по нашим данным, из 100 000 детей, массово розданных в приёмные семьи, как минимум 30 000 возвращены обратно.

– Выходит, государственная программа ликвидации всех детских домов в течение 5–7 лет вас не радует?

– Нет. Сейчас в моде девиз “Россия без сирот”. Я сам донкихот, но в данном случае это, мне кажется, уже скорее не донкихотство, а шапкозакладательство. В России сироты будут еще долго – их рождает неблагоприятное общество. И не надо торопиться с закрытием государственной системы. Общественное наше устройство еще не готово полностью принять сиротство на себя.

Все, что происходит с человеком, происходит в детстве, все остальное только прибавляется, шлифуется. Дополнительные знания, дополнительные нравственные установки, линии поведения, ошибки – это все во взрослой жизни. И если хотим изменить общество в лучшую сторону – надо защитить и поддержать детство всеми возможными способами. Вот мы и перешли на практику “малых дел”. Хотя – как посмотреть.

Все 25 лет подряд мы открываем на сцене Большого театра – спасибо ему! – Международный день защиты детей. Только в Москву привозим 10 000 детей-сирот, инвалидов, детей из бедных семей в этот день, и каждый становится гостем лучших театров столицы, каждый получает подарок, а многие – увы, не все! – обедают в лучших ресторанах. Всё это – на благотворительной основе. Всего же только в этот день не меньше 100 000 ребятшек получают нашу поддержку. Часто просто моральную – например, книжку в подарок. А то и посерьезнее – бесплатную, например, операцию.

Важнейшей своей обязанностью считаем помощь конкретному – имярек – ребёнку. Ну, например, к нам обратился семейный детский дом из

Молдавии: одному из его воспитанников требовалась операция на ноге, а таких там не делают. Только в Кургане делают, в институте имени Г. А. Илизарова. Нас с Гавриилом Абрамовичем связывали добрые отношения, он по нашему обращению выручил десятки, если не сотни, детей, но... его уже нет. Однако продолжатели его дела оказались достойны памяти учителя: “нашего”, “детфондовского” мальчика прооперировали дважды, все “межгосударственные” заморочки мы преодолели, и паренёк уверенно вступил теперь во взрослую жизнь.

Есть у нас и такая программа: “Собрать ребенка в школу”. Множество бедных россиян не могут самостоятельно собрать детей в школу. И наши отделения собирают портфели, учебники, тетради, чтобы ребенок пошел в школу.

– **Одна из ваших программ носит название “Детский туберкулез”. Почему вы взяли за сугубо медицинскую проблему?**

– Туберкулез – социальная болезнь. Она появляется и развивается от бедности – плохого питания, плохой одежды... Каждый год в России туберкулезом заражается 280–290 тысяч детей и подростков. Заболеваемость их туберкулезом увеличилась только за последние 10 лет более чем в 2,5 раза. Этот показатель в 15 раз превышает уровень заболеваемости детей туберкулезом в развитых странах Европы. А помочь мы хотим следующим образом. В стране существуют детские противотуберкулезные санатории, где собираются дети бедных родителей. Их там лечат и кормят до полугода. Но государство не отвечает, например, за то, как одет ребенок. Он приходит из бедной семьи, на нем какое-то бельишко, какая-то одежонка, и все это после первой же машинной стирки превращается в прах. Мы объявили эту программу, чтобы обеспечить детей необходимым в условиях, когда государство не обязано по существующим правилам это делать. А оно, похоже, не обязано обеспечивать детей рубашонками, трусиками и т. д., пополнять санаторские библиотеки хорошими книгами. Мы хотим государство хоть чуточку от срама этого избавить...

– **На кого рассчитана ваша программа “За решеткой детские глаза”?**

– С самого начала мы ориентировались на детей беспомощных. Женщины в колониях нередко рожают. В десяти женских колониях есть Дома ребенка. Детям там не хватает самого элементарного. И мы организовали программу помощи таким Домам ребенка. Впрочем, мы сейчас вынуждены сократить ее из-за недостатка ресурсов.

А вот, например, наша программа “Коровье стадо”, в отличие от этой, развивается! Деревня, как известно, вымирает. Есть масса пригородов, где собираются бедные люди, многодетные семьи в том числе. Люди хоть и пригородные, а на самом деле сугубо деревенские и бедствующие. И вот мы таким людям стали дарить корову при условии, что первая же телочка дарится другой многодетной семье. И дело пошло! Сейчас коровье стадо Детского фонда, как мы его в шутку называем, приближается к тысяче коров. В некоторых регионах дарят коз и других животных. Полагаю, это и есть гражданское общество – когда люди понимают, что должны животину вырастить и отдать другому, поскольку им такую же подарили. Это чувство осознания долга – очень важная часть гражданского общества, о котором столько песен спето, но мало кем услышано. Вот это бы поддержать, выделить квоту отделениям Детского фонда от животноводческих ферм на местах, которые давали бы бесплатно эту скотину бедным семьям.

– **Что больше всего помогает вам в вашей деятельности?**

– То, что дороже и важнее денег – нравственная составляющая. Желание помочь. Готовность отдать свои силы в помощь страждущим детям. К примеру, почти 25 лет работает у нас Любовь Константиновна Крыжановская, директор сразу нескольких наших благотворительных программ. Сама она из Грозного, там могилы ее родителей. Когда началась чеченская война, дом её разрушили, а она, будучи тогда председателем отделения Детского фонда в Чечено-Ингушетии, случайно уцелела и приехала к нам.

Программа, которую Любовь Константиновна ведёт до сих пор, называется “Фронтовые дети Чечни”. В неё были включены 72 ребёнка, получивших огнестрельные ранения. И это – 72 истории, каждая из которых достойна отдельного рассказа.

Одной из девочек, её зовут Марха, разрывом снаряда оторвало обе ножки. Этим же снарядом убило её маму. И вот мы привезли девочку в наш сов-

местный тогда с Российским фондом мира детский центр протезирования “Стремление”. Привезли, устроили – вдруг звонят: малышку надо срочно в инфекционную больницу. Крыжановская летит к протезистам, забирает девочку, везёт в инфекционную, прямо-таки живёт в больнице, пока малышку приводят в правильное состояние, снова перевозит в “Стремление”. Эту девочку протезировали несколько раз, и делали это, конечно, врачи, но всё остальное – а это и квота на протезы, и другое лечение, и встречи, и проводы – делала (конечно, не за деньги) наша Любовь Константиновна.

Могу с гордостью признать: большинство наших сотрудников именно такие.

– **Кто и что больше всего вам мешает ?**

– Мешает отсутствие государственной поддержки. Во многих странах благотворительная деятельность поддерживается финансово. У нас нет такого количества миллионеров, и они пока еще не насытились настолько, чтобы этим делом заниматься всерьез. Многие богачи нынешние предпочли бы иметь карманные фонды. А мы гордимся тем, что мы ничьи, мы – всехние! Хотя это труднее. Когда человек независимый – ему всегда тяжело. Организации – тем более.

Сейчас у нас придумывают разнообразные “поддержки”. Принято решение о том, чтобы экономически поддерживать “социально ориентированные” некоммерческие организации по их программам. Некоммерческие организации могут иметь коммерческую деятельность, но не должны иметь прибыли.

А мы вообще благотворительная организация, не облагаемся налогами, наша деятельность не носит коммерческого характера. Названия наших программ говорят сами за себя: “Детский туберкулёз”, “Семейный детский дом”, “Глухие дети”, “Коровье стадо Детского фонда”, “Духовная защита”, “Детская библиотека” и так далее... Мы гражданская общественная организация помощи детям, полностью от начала до конца, по смыслу своему, не говоря о делах, ориентированная социально. Но нам этого статуса чиновники Минэкономразвития не дают, хотя наши отделения по всей стране его иногда получают. Ну разве это не чиновная абракадабра и произвол? Ведь федеральное министерство нарушает закон о благотворительных общероссийских организациях, ибо по закону и уставу открывает и закрывает свои отделения Центрального правления фонда. Мы собираем средства и тратим их – исключительно на детей. Загляните в наши отчеты, ежегодно представляемые в Минюст, и все станет ясно. Увы, чиновный произвол, он и при демократии произвол!

– **75 отделений в России и СНГ, Научно-исследовательский институт детства, Детский реабилитационный центр под Москвой, Центр для сирот-младенцев при московской Морозовской больнице, три журнала, издательство, тысячи активистов – только этим структура Российского детского фонда не исчерпывается? Что я пропустил, о чем еще не знают наши читатели?**

– За перечисленным – прежде всего тяготы и страдания. Да, у нас есть Детский реабилитационный центр под Москвой. Отовсюду, где случались беды – разлив нефти в Коми, Чернобыль, Чечня, Беслан, Южная Осетия, мы привозили сюда раненых, потерянных, испуганных детей за свой, а не за казенный счет и выхаживали их. В ответ удостоены потрясающего рекорда: сто судов прошли наши службы, отбивая по закону принадлежащую нам собственность и землю.

Как вам глянется такая наша востребованность? Ведь это же люди, представляющие государство, чиновники от макушки до пят, говорят нам, общественной организации: идите вон, мы не дадим вам работать, даже нарушив все законы, коли понадобится. И мы судимся. Вместо того чтобы в ближайшем Подмоскovie создать современный Артек, утраченный в Крыму. И все-таки мы создаем новую версию Детского реабилитационного центра.

Делаем своё дело с трудом, с болью, с тяготами, не благодаря, а вопреки. Но – делаем.

– **К юбилею Российского детского фонда был издан том “За! Малых сих”, составленный из ваших статей, выступлений, интервью. А прибавилось ли Ваших художественных книг, посвященных миру детства? Остается ли время на литературу, творчество? Как вы соединяете литературу и общественную деятельность в таких масштабах? Приходилось ли откладывать начатые книги, повести, романы потому, что дел в фонде было невпроворот?**

– Я и сейчас отложил на несколько месяцев работу над романом, написанным вчерне. Горюю по этой причине. Но знаю, что должен отдать фонду то, без чего он не обойдется. Ведь я добровольно принял на себя эту ношу. Значит, винить некого.

Конечно, соединять литературу и общественную деятельность не просто. Но всякому человеку, мне думается, важно слышать собственное требование к себе. Тогда выбор будет естественным. И не надо бояться нырять в глубины жизни. Надо просто видеть, что вокруг тебя, и не предоставлять себе такой льготы – отводить глаза в сторону.

Я и раньше-то никогда не был автором розовых историй или волшебных сказок. А три моих последних романа – анализ того, что произошло (и происходит!) с детством под гнётом нынешних “духовных реконструкций”. Это романы “Никто”, “Сломанная кукла”, “Слётки”. Диалогия “Мальчик, которому не больно” и “Девочка, которой всё равно” – другой срез и для других возрастов, но эти повести тоже обращены к детским бедам. Как и повесть “Эх, вы!..” и рассказ “Свора”, недавно опубликованные в журнале “Наш современник”.

Не служил бы я 25 лет детству в фонде, обращённом к детским страданиям, может быть, жил бы легче, проще. Был бы более издаваем, наверное. Хотя жаловаться грех. В последние годы вышли два собрания сочинений, а на ТВ – пять документальных фильмов о семейных детских домах, которые я же придумал.

Знаете, в этом есть огромная – но внутренняя, не внешняя – радость: сначала что-то в жизни придумать, спроектировать, много лет делать практически, а уж потом про это написать, снять, рассказать.

Детский мир страждущих, униженных и оскорблённых вызывает о помощи к нам. Нелёгкая, часто скорбная, кремнистая дорога. И её, может быть, не выбирают. Её подают. Как испытание и как благодать.

– **Что видится вам впереди?**

– К сожалению, я не выступлю сегодня в роли оптимиста. Фонд у нас общественный. А в России общественное уступает частному. Частное побеждает. Появился термин “частно-государственное партнерство”. А термин “общественно-государственное партнерство” – исчез. Почему? И не слишком ли опрометчиво?

Выходит, тот, кто крут и быстро схватил – тот и процветает, и не делится с другими. Это общее бедствие.

Мне кажется, наша организация играет важную выравнивающую роль. Мы помогаем тем, кому больше никто не хочет помочь. По нашему законодательству можно на организацию благотворительной деятельности тратить двадцать процентов. Мы не берем ничего, то, что предназначено на благотворительность – тратим целиком. А то, что нужно на организацию, находим из других источников.

В западном понимании фонд – это деньги и управление ими. Мы же с этого только начинали и никогда на этом не останавливались, поскольку главным образом думали о том, чтобы реализовать придуманные нами программы. И все, что мы собираем, просим, ищем, – это не для нас – а для детей. Это главная заповедь, которую мы исповедуем.

– **Какой станет деятельности фонда в ближайшие годы? Семейная форма опеки над сиротством сохранится, получит новый импульс к развитию, или есть другие идеи?**

– Как цыганки говорят: “Что было... Что будет...”. Кто это знает? Вот когда мы начали программу “Детский туберкулез”, то выпустили независимый доклад фонда с таким же названием. Иосиф Кобзон вручил его лично президенту, прямо в руки, вскоре после президентских выборов. Тот обещал рассмотреть самым серьезным образом. Предполагаю, что дал поручение. Как сказал шекспировский Гамлет: “А дальше – тишина...” Колотимся в одиночку. Деньги собираются с трудом. С первыми пятью миллионами, которые дал народ, начинать такую тяжёлую программу нельзя... Так что выбора у нас нет. Точнее, выбор есть, и он один: работать, биться, достигать. В меру сил и возможностей. Повторяя при этом: мы – профессионально структурированная гражданская организация, к сожалению, не востребуемая властью.

В нашем начале мы были помощниками власти на самом высшем уровне. Например, совершенно новыми были наши программы “Слепые дети”, “Глу-

хие дети”, поддержка новых технологий в лечении детей, больных ДЦП, организация первых усложненных черепно-лицевых операций детям-сиротам уникальными американскими хирургами. При этом, уезжая из страны, эти хирурги хранили свое оборудование в бухгалтерском сейфе Детского фонда – это ведь не случайность какая-то, а уровень доверия к нам. Фонд способен, готов, структурирован для того, чтобы решать серьезные социальные задачи для всей страны. И когда у нас были народные деньги, мы ничего не просили у власти. Повторюсь: теперь народ обеднел. У олигархов – свои фонды. И мы говорим власти: повернитесь к нам. Мы готовы быть ответственными социальными партнерами. Но вынуждены – хотя я уважаю эту теорию – заниматься малыми делами.

Конечно, доброе дело всегда найдет лазейку: в программе “Глухие дети”, по которой двадцать тысяч детей бесплатно получили от нас слуховые аппараты, появилась новая строчка под названием “кохлеарные имплантации”. Это когда малышам, рожденным без слуха, особые хирурги под водительством профессора Георгия Таварткиладзе внедряют специальную, очень дорогую технику. Цена одной операции – один миллион рублей. А дорога? А то обстоятельство, что семья такая, как правило, бедна и операцию-то надо делать до пяти лет? И мы устраиваем так, что операция делается бесплатно. А к этому прилепился еще одна приятная новость: “Райффайзенбанк” подарил нам бонусные мили, которыми мы оплатим дорогу бедным детям и сопровождающей их маме.

Даже если Детский фонд выручит одного ребенка в день – это уже для кого-то спасительный результат. А мы живем под девизом “Ни дня без доброго дела”. И у нас семьдесят с гаком отделений! Так что... люди добрые – и злые, но разумные! – не отворачивайтесь от детей! Своих и чужих!

– Какая проблема детского мира заботит вас сейчас больше всего?

– Главная беда, что во многих ситуациях дети становятся разменной монетой. К детям относятся не как к личностям, не как к гражданам. Но между дитем несмышленным, как у нас говорят, и взрослым никакой разницы нет. Наоборот, у детства есть одно замечательное преимущество – оно искренне. Да, дитя – это чистый лист, и это идеал человека, потому что говорит, думает, чувствует так, как может поступать только неиспорченная личность. А развитие человеческое Толстой всегда называл отступлением от этой первоистины.

Мы ведем мониторинг положения детей-сирот и знаем, в каком состоянии наш детский мир. У нас множество детей, у которых руки-ноги целы, но которые заняты совершенно не тем. Происходит дебилизация детского общества. Так надо этому детскому обществу показать: посмотрите, слепой, лишенный всего, что у вас есть, блестяще себя реализует!

Болезнь нашего Отечества состоит в том, что мы своих собственных детей не любим. Или любим кое-как. Наше представление о любви – это сыт, обут, двоек нет, и слава Богу. Надо восхищаться детьми. Есть понятие инвестиция. Но главная инвестиция нашего общества должна быть в детей. Тогда у нас будет все в порядке. Когда у нас будет культ ребенка, так же, как и культ старика, – только тогда наше общество выздоровеет.

Кто-то считает детство не таким-то уж и важным отрезком жизни: вырастает человек, и из детства вспоминает только хорошее или забавное, всё, мол, самое серьезное – впереди.

Да нет, всё, что впереди, происходит из детства.